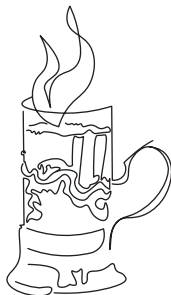

АЛЕСЬ КОЖЕДУБ

Сезам

Рассказы

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2023

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5
К58

Кожедуб, А. К.

К58 Сезам : рассказы / Алесь Кожедуб. — Минск : Четыре четверти, 2023. — 248 с.

ISBN 978-985-581-620-2.

В этой книге нет вымышленных героев. Те, о ком вы прочтете, — реальные люди, в большинстве своем писатели и журналисты. Алесь Кожедуб знает литературную среду не понаслышке. Он один из лучших рассказчиков, умеющий ярко, образно передать тончайшие движения человеческой души. Отличительные особенности его прозы — увлекательный сюжет, богатство языка, тонкий юмор — проявились и в новой художественной книге. Автор знакомит читателя с забавными случаями из жизни известных белорусских и российских литераторов, курьезными ситуациями из практики издателей. «Сезам» приоткрывает некоторые писательские секреты и погружит в творческую атмосферу.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5

ISBN 978-985-581-620-2

© Кожедуб А. К., 2023
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2023

Рассказы

Как стать писателем

Это случилось со мной в раннем детстве. Мы жили в Ганцевичах, городском поселке в полесской глуши.

Но глушью Ганцевичи были только для Якуба Коласа, который учительствовал в этих местах до революции и одну из частей трилогии «На росянах» назвал «В полесской глуши». После войны Ганцевичи преобразились, впрочем, как и весь Советский Союз. На работу в Западную Белоруссию приехали тысячи юношей и девушек, среди которых были и мои мама с папой. Как мне сейчас представляется, для них не существовало невыполнимых задач. Перед глазами лежал огромный мир, в который нужно было войти и взять свое. И они входили и брали.

Отец был бухгалтером, мама — паспортисткой в милиции. Они поженились, отец вступил в партию, стал главным бухгалтером межколхозстроя, и все было бы хорошо, если бы он не считал, что поступать надо не по указке партии, а по совести. На собрании коммунистов он встал и сказал, что кандидат в депутаты, присланный из райкома, полное ничтожество — отец употребил другое слово, — и надо выбрать того, кого они хорошо знают. Собрание поддержало отца и проголосовало за другого кандидата.

Это был натуральный бунт на корабле, и отца с треском выкинули сначала из партии, потом с работы. К тому времени уже родились мы с сестрой, времена у нас наступили

не самые простые. Но я рассказываю не о судьбе молодых коммунистов в послевоенном Союзе.

Именно в это нелегкое время со своей судьбой определился и я. Произошло это в нашем сарае, куда я позвал соседа Ваньку. Он был на год старше меня, а значит, умнее и сильнее.

Я еще в школу не ходил, но уже читал взрослые книги, и одна из них произвела на меня неизгладимое впечатление. Она была о рыцарях-крестоносцах. Закованные в броню воины потрясли до глубины души, и я захотел стать похожим на них.

Я нашел в сарае ржавое ведро и долго пытался проковырять в нем дырку для глаз. Однако не было подходящего инструмента, да и руки были не столь сильны. Я подозревал, что в эти руки рановато вкладывать железный двуручный меч. Но меч легко можно было заменить оструганной палкой, что я и сделал.

Иное дело шлем, то есть, ведро. Все-таки, нужно было видеть, куда идешь и с кем воюешь. Я взял ведро и отправился к соседу Толику Шабанову, старшекласснику. Толик был добрый парень. Не задавая лишних вопросов, он взял зубило, молоток и пробил в ведре кривую дыру.

— Сойдет? — спросил он.

— Конечно, — сказал я. — Я тебе за это книжку про рыцарей дам почитать.

— Не надо, — отмахнулся Толик. — Воюй так.

Я оттащил ведро назад в сарай и надел на голову. К сожалению, ведро было не совсем шлемом. При желании я мог бы втиснуться в него с плечами, но как тогда действовать мечом? Да, нужно было набирать вес. А я плохо ел.

«Ладно, — решил я. — Пока повоюю в ведре».

И позвал Ваньку. Но Ванька надевать ведро на голову решительно отказался.

— Это же твой шлем, — сказал он. — Я лучше мечом.

— Меч тоже мой, — заметил я.

— А я его тоже строгал.

Это было правдой, меч мы мастерили вместе.

— Надевай, — сказал Ванька.

Мне не понравился его повелительный тон, но я все-таки надел шлем на голову. Ванька радостно ухмыльнулся, размахнулся и от всей души шараянул мечом по ведру.

Из глаз у меня посыпались искры. Но вместе с искрами из головы вылетела и вся дурь, которая там накопилась. Я вдруг понял, что лучше писать о рыцарях, чем ими быть.

Испуганный Ванька помог мне снять с головы ведро.

— Живой? — спросил он и дотронулся до шишки, которая, как я чувствовал, стремительно вспухала на макушке.

— Не трогай! — взвыл я. — Мы же играем в рыцарей!

— А ты не сказал, что надо понарошку, — пожал плечами Ванька. — Глянь, меч сломался.

Мы осмотрели оружие. Оно пришло в полную негодность, в отличие, кстати, от ведра.

— В следующий раз надо зимнюю шапку под ведро надеть, — сказал Ванька.

«Дудки, — подумал я. — В следующий раз рыцарем будет кто-то другой».

И я потихоньку начал писать. Сначала короткие, на полстранички, рассказы, потом длиннее. К восьмому классу я уже был готов к роману. Он назывался «Анты» — о праславянском племени славян, воевавшем с Византией.

«Анты» я писал в Новогрудке, где оканчивал школу имени Адама Мицкевича. Там я уже был вполне состоявшийся автор, не считающий чем-то из ряда вон выходящим завоевание мира. Анты для этого вполне подходили. Они тоже почти завоевали восточно-римскую империю.

Отец в Новогрудке преподавал в торгово-экономическом техникуме бухгалтерский учет, но о Ганцевичах не забывал. Помнила о них и мама.

— Какой же ты был дурак, что уехал из Ганцевич, — сказала она как-то отцу.

— Так ведь район расформировали! — вытаращил тот глаза. — Некуда было на работу устроиться.

Когда отец спорил, всегда тарашил глаза.

— А Просвиров остался, — сказала мама.

Иногда она становилась невыносимо права.

Федор Васильевич Просвиров был другом отца. Они вместе начинали трудовую карьеру в Ганцевичах, Просвиров председателем райпотребсоюза, отец — бухгалтером. Но потом Просвиров пошел по журналистской стезе и теперь возглавлял районную газету в Ганцевичах, между прочим, вновь ставших райцентром.

— Такой квартиры, как там, у нас никогда не будет, — вздохнула мама.

С этим отец был согласен. По ганцевичским меркам дом панского подлочега, то есть, лесничего, который достался нам пополам с директором школы Сычевым, был настоящими хоромами. Я уж не говорю про сад. Нашей груше бере и яблоне медовке завидовали все мои друзья, особенно Ванька.

Но в Ганцевичи мы с отцом поехали не за берой или медовкой. Отец собрал в стопочку убористо исписанные листы моего романа, уложил их в папку и туго завязал тесемки. Как истинный бухгалтер, он умел работать с документами.

— Покажем Феде, — сказал отец. — Он тоже писатель.

Я уже понимал разницу между писателем и журналистом, но спорить не стал. Мне и самому хотелось съездить в Ганцевичи.

Просвиров поковырялся в папке с моим романом, что-то прочитал. Похоже, ему не очень понравился почерк.

— Молодец, — сказал он. — Пиши дальше. Но писательство дело непростое. Пишущая машинка нужна.

— Машинку мне дадут в техникуме, — заявил отец. — Как раз недавно одну списали.

— Печатает? — спросил Просвиров.

— Пару букв не пробивает, но завхоз обещал, что исправит. Он у нас мужик с руками.

Меня качество пишущих машинок пока не волновало. О чем писать — вот в чем вопрос.

— А вы что пишете? — спросил я Просвирова.

— Повесть закончил, — Федор Васильевич оглянулся по сторонам. — Сказать, о чем?

— Конечно, — разрешил я.

— Про экскаваторщика!

Я чуть не сел мимо стула, стоявшего рядом. Экскаваторщик в роли главного героя произведения не мог мне присниться даже в страшном сне.

— Ты слушай, слушай! — вскочил с места Федор Васильевич. — Это же не простой экскаваторщик. У нас здесь до войны евреи жили, весь центр поселка занимали. Потом немцы пришли, гебитскомиссариат, гетто... Часть евреев из гетто сбежали, остальных расстреляли немцы, и после войны их дома стали сносить.

— Когда это было? — спросил отец.

— Сразу после войны, еще до того, как ты приехал. Экскаваторщик сломал стену дома, видит, горшок вывернулся. Он вылез из кабины, взял в руки, а там полный горшок золота!

— Брешешь! — стукнул ладонью по столу отец.

— Вот те крест!

Федор Васильевич перекрестился. Между прочим, в отличие от отца, из партии его не выгоняли.

— Вообще-то, у евреев всегда было золото, — сказал отец. — Даже у Калмановича, сам видел.

— Калманович уехал в Свердловск, а тут целый горшок в стене замурован.

Рассказывая, Федор Васильевич большими шагами мерил комнату, в которой нас принимал. Это был кабинет с двумя книжными шкапами, письменным столом, кушеткой, креслом и стульями. Я с любопытством смотрел по сторонам. Когда-то и самому придется вить писательское гнездо. Но для этого нужна как минимум собственная комната. А у нас в Новогрудке две комнаты на четверых в доме для преподавателей техникума.

— Представляешь, схватил он горшок с золотом, — перебил ход моих мыслей Федор Васильевич, — и побежал, не останавливаясь, в Брест!

— Это сколько ж километров? — спросил отец. — Нужно было сесть в поезд и уехать, хоть в Брест, хоть в Лунинец. А там ищи ветра в поле.

— Костя, он же головой тронулся! Целый горшок золота!

Просви́ров перешел на крик. Видимо, горшок с золотом повредил что-то и в его голове. Я заложил пальцем правое ухо, оно у меня слышало лучше, чем левое.

«Зачем кричать о каком-то горшке? — подумал я. — Анты из Византии золото возами вывозили. Наверное, и рабынь брали. Или у них не было рабства? У ромеев точно было...»

— Представляешь, до самого Бреста бегом бежал! — снова, подобно варвару, ворвался в стройную фалангу моих мыслей голос Просви́рова. — Ни разу не остановился!

— А откуда вы знаете, что он не остановился ни разу? — спросил я.

Просви́ров и отец с изумлением уставились на меня. Похоже, они забыли о моем присутствии.

— Так ведь горшок золота в руках, — сказал Просви́ров. — С этим не останавливаются.

— А я бы на поезде поехал, — сказал отец. — Из Луни́нца прямо во Владивосток. А лучше в Сочи.

Он щелкнул языком. Кажется, Сочи понравились ему больше Владивостока. Мне тоже.

— Костя, какой поезд?! — всплеснул руками Просви́ров. — Я в повести так и написал: бежал, не останавливаясь, до самого Бреста!

— Интересно, что он с этим золотом сделал? — посмотрел на меня отец. — Это же еврейское золото. А оно нашего брата счастливым не делает.

Похоже, повесть Федора Васильевича отца абсолютно не занимала. Он всегда был равнодушен к литературе, из поэтов знал одного Есенина. Под градусом мог прочесть наизусть «Черного человека».

— Большая повесть? — уточнил я у Федора Васильевича.

— Девяносто страниц на машинке! — гордо сказал тот. — Полгода одним пальцем клепал.

**Алесь (Александр Константинович)
Кожедуб**

Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1974) и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1985). Работал учителем сельской школы, младшим научным сотрудником Института языкознания АН БССР, редактором телевидения, в журналах «Маладосць» (Минск) и «Слово» (Москва), главным редактором издательства «Советский писатель», заместителем главного редактора «Литературной газеты».

Автор многих книг прозы на белорусском и русском языках, в том числе книг по истории белорусского этноса «Иная Русь» и «Русь и Литва».

Член Союза писателей Беларуси и России.

Лауреат литературных премий имени М. Шолохова (2006), И. Бунина (2012), «Золотое перо Руси» (2017), дипломант премии имени А. Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2013).

Содержание

Рассказы

Как стать писателем	3
Сон-трава	10
Три столицы	16
Соло в яме	25
Сезам	36
Ведро шампанского	43
Спектакль	56
Шаман	63
Фантики	69
Поезд из Леселидзе	78
Битва при вокзале	85
В городе Калязине	89
Сара	108
Гурии в Голицыне	116
Кошки Стамбула	124
Штурм Измаила	138
Фяцболисты, ша!	149
На дачу к Короткевичу	
<i>Байки о писателях</i>	157
<i>Об авторе</i>	246